

Марина Кокуш

Музей одной естественной истории

Марина Кокуш

Музей одной естественной истории

«Издательские решения»

Кокуш М.

Музей одной естественной истории / М. Кокуш — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-852450-9

Музей находится в Париже. Каждый его экспонат — фрагмент загадочной любовной истории. Чтобы распутать ее, нужно разглядеть подлинную последовательность событий, которые скрывают расставленные в алфавитном порядке предметы...

ISBN 978-5-44-852450-9

© Кокуш М.
© Издательские решения

Содержание

Абонемент в Лувр	7
Браслет	10
Вентилятор	12
Гитара	14
Doliprane	17
Eugène Rallet	19
Ёлочные игрушки	22
Жевательная резинка	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Музей одной естественной истории

Марина Кокуш

Редактор Марина Афанасьева

Иллюстратор Марина Кокуш

© Марина Кокуш, 2017

© Марина Кокуш, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4485-2450-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

посвящается моей маме

Август 2014, Стамбул

– Ты знаешь, сегодня я проснулся и понял, что хочу собаку, – сказал Илькер, закуривая десятую за день сигарету.

Мы сидели на террасе шумного кафе на набережной Босфора. Его название переводилось как «Любовь». Через пролив открывался вид на азиатскую часть города, откуда изредка с криками, похожими на кряканье велосипедных клаксонов, долетали до нас чайки. Они бесцеремонно садились на деревянные поручни «Любви» и, не найдя в ней ничего, чем можно поживиться, срывались с места и мгновенно исчезали из вида.

Дневная августовская жара начинала спадать. Мы лениво допивали турецкий кофе и ждали закат, который (мы проверили) должен был начаться между 18 и 19 часами.

– Боже, зачем тебе собака? – удивилась я.

– Ну, пока я дождусь от тебя детей, уж проще так, – улыбнулся он.

Мы оба, конечно же, знали, что это шутка, потому что дети у меня будут только с В. Однако Илькер не упускал возможности напомнить, что я давно уже обещала родить ему двойню. Он будет прекрасным отцом, в чем я ни капли не сомневалась, наблюдая, как он играет с детьми нашей однокурсницы. Ну а я не буду огорчаться из-за его встреч с хрупкими светловолосыми мальчиками или чернокудрыми восточными мужчинами постарше, которых он вечно ждал то в парке, то в кафе, а то и просто на углу какой-нибудь улицы в Марэ еще несколько месяцев назад, до того как окончил университет в Париже и вернулся в Стамбул.

– Можно купить собаку размером с пони, – продолжал Илькер, – и она будет жить у меня на даче. Представляешь, как здорово: гигантский пес будет встречать меня, виляя хвостом!

– Но ты же там почти не бываешь! По-моему, ему будет очень тоскливо одному, – возразила я. Так трогательно, что Илькер выдумал всю эту чепуху прямо на ходу, просто чтобы развлечь меня; захотелось ему подыграть.

– Ну что ж... Решено. Тогда никакой собаки... – Он резко сменил тему. – Дождемся захода солнца, я завезу тебя в отель, ты переоденешься, и поедем танцевать. Идет?

– Идет! – радостно согласилась я.

На следующий день Илькер снова заехал за мной. Он знал, что после утомительной экскурсии по Старому городу, когда я изнывала от жары и даже прекрасные мозаики Голубой мечети не радовали меня, я твердо решила не выезжать за пределы современного квартала Бебек. Туда мы и отправились. Мы гуляли по набережной, мимо нас проносились хохочущие дети и, скидывая на бегу рубашки, прыгали в море. Иногда брызги соленой воды долетали

до нас. Мне тоже очень захотелось окунуться. Словно почувствовав это, Илькер крепко сжал мою руку и повел дальше.

Мы дошли до подвесного моста через Босфор и сели в первом попавшемся кафе. Я углубилась в меню и долго водила взглядом то вверх, то вниз, не зная, что выбрать. Особой решительностью я никогда не отличалась. «Если бы губы Никанора Ивановича да приставить к носу Ивана Кузьмича», – приблизительно так я рассуждала, перепрыгивая с одного названия блюда на другое. Мне хотелось взять сыр из салата «Али-Баба» и добавить его в салат «Тысяча и одна ночь». Об этом я и сказала Илькеру, тяжело вздохнув, потому что чудес не бывает. Он улыбнулся.

– Любовь моя, ты не в Париже, где всем наплевать на твои прихоти. Не беспокойся, я сейчас договарюсь. – Он одним лишь взглядом подозвал официанта и стал объяснять ему что-то на турецком языке, небрежно разбрасывая непривычные моему слуху буквосочетания «кз», «шк», «угру», «юкь». Мне нравилось наблюдать за волшебным преображением моего милого Илькера, который еще недавно так беззаботно вышагивал с фотоаппаратом наперевес, раскачивая бедрами, по мощным тротуарам улицы Вьей-дю-Тампль в Париже. У себя дома, в Стамбуле, он любил степенно, по-хозяйски откинуться на спинку стула в ресторане, заказать стакан мутно-белой ракии, небрежно закатать рукава рубашки и опустить руки на стол, сложив ладони домиком. Даже его брови почему-то казались мне здесь еще чернее и гуще, а лицо с трехдневной щетиной – еще мужественнее.

Несколько минут мы молчали. Было немного грустно, потому что вечером я улетала домой и мы не знали, когда увидимся в следующий раз. Илькер не собирался в Европу, да и я не знала, когда снова окажусь в Стамбуле.

– Как жаль, что мы так и не успели сходить в Музей невинности, – заговорил он.

– Да уж... – протянула я. – Ну ничего, зато будет повод вернуться.

Этот музей не давал мне покоя с тех самых пор, как Илькер впервые рассказал о нем: напротив входа – во всю стену панно из сигаретных окурков со следами красной губной помады; золотые сережки в форме бабочек, которые когда-то принадлежали юной турчанке сказочной красоты; вывеска магазина «Шанз Элизэ» – центра высокой моды Стамбула семидесятых годов. «Боль ожидания», «Я собирался предложить ей стать моей женой», «Можно ли бросать невесту перед свадьбой?» и еще больше полусотни экспонатов с загадочными названиями. Каждый из них – маленький фрагмент истории любви, увековеченной в этом музее и в одноименной книге турецкого писателя, о котором Илькер говорил с той особой национальной гордостью, с какой отзываются о спортивной команде, вопреки всем ожиданиям победившей на чемпионате мира.

Музей этот настолько будоражил мою фантазию, что я все чаще стала думать о том, как выглядела бы моя собственная коллекция, в которой я могла рассказать нашу с В. историю. Воплотить эту идею в жизнь я решила только год спустя, когда осталась одна в своей парижской квартире в окружении вещей, напоминавших о человеке, которого уже нет рядом. В те дни, когда я только привыкала спокойно чистить зубы перед зеркалом, где раньше отражалась не одна, а две фигуры с зубными щетками в руках.

Экспонаты я решила расположить не в хронологическом, а в алфавитном порядке, потому что... Впрочем, едва ли стоит дольше задерживать посетителей в холле, где только и есть, что вступительное слово куратора, напечатанное крупным шрифтом на двух языках.

Абонемент в Лувр

Пластик, офсетная печать, февраль 2014

Это, пожалуй, единственный в моем музее экспонат, который напрямую не связан с нашей с В. историей. Его стоило поместить сюда хотя бы справедливости ради, чтобы показать, что не вся моя жизнь состояла из одного В. Не вся жизнь, то есть не все ее физическое проявление. Мысли же мои, о чем бы я ни думала, неизменно возвращались в одну и ту же точку: к запечатленной в памяти фигуре улыбающегося В., стоящего с широко разведенными руками, готового прижать меня к своей груди. Каждый раз при виде его мое сердце замирало и падало, глухо ударяясь о землю.

Абонемент был нужен мне, чтобы раз в неделю ходить на занятия по рисованию. Я записалась на них во время нашей долгой размолвки с В., чтобы вычеркнуть из жизни хотя бы несколько бесполезных часов, из которых состояли мои однообразные недели. Впрочем, я довольно быстро втянулась. Мне нравилось оживлять нарисованные глаза, оставляя на черных зрачках маленькие белые пятнышки, или растушевывать линию между верхней и нижней губой, придавая объем едва обозначенному пухлому рту.

Моя преподавательница настаивала, чтобы я «тренировала глаз», ища прекрасное в повседневном. Тогда я завела воображаемую шкатулку с надписью «Ускользящая красота», куда стала складывать мельчайшие детали, подсмотренные мною то тут, то там: изящный завиток кованого балкона; розовый оттенок неба, пролившегося на асфальт после дождя, и плавающее в луже отражение сероватого облачка; ожившая рука с микеланджеловской фрески «Сотворение Адама» – рука официанта, только что поставившего передо мной чашку кофе.

Наша первая встреча с Изабель, моей учительницей по рисованию, была назначена на субботнее утро. Я проснулась за десять минут до начала занятия и, даже не успев умыться, побежала в Лувр, который, к счастью, находился совсем недалеко от моего дома.

– Ты опоздала. В будущем, пожалуйста, постарайся следить за временем, – этими словами меня встретила сухожающая пятидесятилетняя женщина с короткой стрижкой и голубыми

глазами, подведенными темно-синим карандашом. Казалось, что она вот-вот рухнет под тяжестью огромной сумки с принадлежностями для рисования, которая висела у нее на плече.

Не могу сказать, что это была любовь с первого взгляда.

Отчитав меня, Изабель быстро и уверенно зашагала вглубь храма искусства, а я едва поспевала за ней. Мы остановились напротив мраморной статуи греческой богини. Она возлежала на морском берегу, опираясь локтем на неправдоподобных размеров рыбу с выпученными глазами.

– Она прекрасна, не правда ли? – спросила Изабель и, не дав мне ответить, скомандовала: Садись! – и плюхнулась на ступеньки напротив Амфитриты. – Я всегда на первом занятии заставляю рисовать эту скульптуру. Ну, рисуй, чего же ты ждешь? – она положила мне на колени альбом и вручила карандаш.

Я растерялась. Рисовать совсем не хотелось, я думала лишь о том, что еще не завтракала и с самого утра не сделала ни глотка кофе.

– Но я же не умею, – полувопросительно, полуутвердительно пробормотала я.

– Конечно, не умеешь. А иначе зачем бы ты сюда пришла? – парировала моя учительница. – Да не бойся, сейчас нарисуешь, как сможешь, а потом я покажу тебе, как надо, – уже более благосклонно добавила она и даже подтолкнула меня локтем.

Мне хотелось, чтобы эта неловкая сцена как можно скорее закончилась, но было ясно, что злодейка так просто от меня не отстанет. Я взяла карандаш и за тридцать секунд изобразила нечто с головой, руками и в самом деле опирающееся на лупоглазое морское создание. Впрочем, даже сейчас, когда я смотрю на этот рисунок, рыба мне все еще нравится.

– Ну вот и замечательно! А ты волновалась! – подбодрила меня Изабель. – Здесь все, конечно, не очень точно, но линия плеча тебе хорошо удалась. Между прочим, мало кто ее так правильно располагает. Я тебе говорю: через месяц будешь рисовать как Рембрандт. Сомневалась? В следующий раз принесу его эскизы – у него есть несколько на редкость неудачных работ, ни за что не догадаешься, что это он.

На втором занятии Изабель подвела меня к статуе двух римских борцов. Сначала я подумала, что это шутка. Их тела настолько сплелись, что было невозможно не то что их нарисовать, но даже просто понять *who's dick is in who's ass*, как говорится в одной неприличной арабской поговорке (которой, кстати, меня научил В.).

Над этими мраморными атлетами я билась три занятия кряду. Изабель не переставая хвалила мою работу, но мне почему-то казалось, что она лукавит. Не может человек в здравом уме так восхищаться этой уродливой треугольной головой и лимонно-желтым бликом на левой ягодице юного римлянина.

Уже законченный рисунок я скрутила в рулон наподобие подзорной трубы, закрепила резинкой и отправила на покой в темную картонную коробку, где он будет обречен вместе с угловатой Амфитритой, обхватившей пучеглазую рыбу, дожидаться часа, когда наши с В. пока еще не появившиеся на свет внуки извлекут его, разложат на полу в кладовой и станут, переглядываясь, показывать пальчиком на выведенную в правом нижнем углу цифру 2013, такую же невероятную, какими были они сами в том далеком году.

Впрочем, борцы напомнили о себе намного раньше. Как-то раз во время путешествия по Америке я забрела в одну частную галерею современного искусства. У самого выхода я невольно подняла глаза. В груди у меня что-то встрепенулось, как бывает, когда в толпе прохожих кто-то невидимый вдруг выкрикнет твое имя. С полотна, висевшего под самым потолком, на меня смотрели пустыми, явно позаимствованными у Модильяни глазами два римских борца. Их тела так сплелись, будто были завязаны в тугий узел. Поразительно, но голова одного из них тоже была слегка треугольной, как и на моем рисунке. Картина стоила три тысячи долларов.

Вернувшись в Париж, я не преминула рассказать об этом Изабель и показать фотографию. Она только презрительно хмыкнула: «А я говорила тебе, дуреха, что нормальные люди зарабатывают на этом деньги».

Браслет

Серебро, декабрь 2014

В тот год я устраивала у себя дома рождественский ужин «для бездомных», как мы в шутку окрестили его с В. На него были приглашены те, кто не уехал на каникулы домой, чтобы отметить этот праздник в кругу семьи. Впрочем, таких среди моих знакомых было немного, и ужин получился камерным. Нас было пятеро: мы с В., две мои подруги и коллега одной из них. Он оказался здесь случайно – просто-напросто потому, что ему негде было провести этот вечер, ведь все его приятели разъехались.

В. был среди нас единственным католиком, и поэтому этот день по-настоящему что-то значил только для него одного. Но, несмотря на это, готовились к торжеству мы все, и с большим рвением. Праздничное настроение, витавшее в воздухе, передалось нам необычайно легко: через хвойный аромат рождественских венков в цветочных магазинах; через запах корицы и ванили в булочных, где прилавки были заставлены подносами с песочным печеньем в форме звездочек и ангелочков; через мигание разноцветных лампочек уличных гирлянд; наконец, через улыбки прохожих, спешащих по домам с полными пакетами подарков.

За неделю до рождественского ужина мы с гостями составили меню, куда включили и традиционную фуа-гра с инжирным вареньем, и запеченную утку. Ее готовила моя подруга из Китая и, не удержавшись, добавила в соус какие-то восточные пряности. Так утка по-пекински стала главным блюдом на нашем русско-китайско-ливанском ужине, который проходил в квартире в самом центре Парижа – в первом округе. В квартире, где я, бывало, вздыхая, закатывая глаза и заламывая руки, жаловалась гостям на смеси французского с нижегородским на то, что совершенно невозможно стало жить в этом районе. Районе, где уже не слышно чистой французской речи – ведь здесь одни туристы и иммигранты из Африки. Ах, как хочется переехать куда-нибудь, где тише и спокойнее, например, в семнадцатый, где утром по дороге на работу видишь изящно стареющих, но все еще пользующихся красной губной помадой парижанок, идущих на рынок; родителей, ведущих за руку детей в школу; пожилых мужчин в подбренных под цвет рубашки джемперах с треугольным вырезом, в ярких кашемировых шарфах и с ухоженными длинношерстными собачками на поводке. Все они сейчас наверняка выкладывают на блюдо устрицы, купленные у знакомого продавца в проверенной рыбной лавке на рю де Левис, и открывают шампанское в своих уютных типично парижских квартирах со скрипучим паркетом и тонкими стенами, через которые слышно, как то же самое делают их соседи, и так далее и так далее.

В нашем рождественском меню устриц не было, зато шампанское было в изобилии. Одна бутылка уже стояла в серебристом ведерке со льдом. Я села за стол, на то же место, куда всегда садилась, когда мы завтракали или ужинали с В. только вдвоем, – и окинула довольным взглядом результат наших приготовлений.

Справа от стола, в небольшой нише, стояла новогодняя елка, обвитая лампочками и гирляндами, украшенная колокольчиками, игрушками из папье-маше и бабочками из настоящих перьев. Она ни капельки не была похожа на усыпанную одинаковыми красными и золотистыми шарами елку в доме у родителей В. В этом году ее, как обычно, наряжали всей семьей, под чутким маминым руководством. Каждый раз, когда они присылали ему фотографии, на его лице появлялась грустная улыбка и мое сердце сжималось от боли. Я мысленно подошла к этой образцово-показательной елке и уже поднимала было глаза к ее верхушке, увенчанной золотистой фигуркой ангела с трубой, как вдруг мою фантазию оборвала попавшая в поле зрения ладонь В., потянувшаяся за бутылкой. Пора было открывать шампанское и начинать ужин: все порядком проголодались.

После трех часов за столом, после десятка холодных и горячих закусок, салатов, пекинской утки, притворившейся рождественской индейкой, и, наконец, шоколадного пирога на десерт, мы едва могли пошевелиться. Ближе к полуночи все перешли, или, точнее, перекатились к рождественской елке. Наступал самый волшебный момент – время открывать подарки.

В. вручил мне две коробочки, завернутые в красную позолоченную бумагу. У меня засало под ложечкой, прямо как в детстве, когда ты дрожащими от нетерпения руками рвешь яркую упаковку, чтобы посмотреть, какой же сюрприз приготовили тебе родители.

Я очень волновалась, хотя, конечно, знала, что именно было в этих свертках. В том, что побольше, скорее всего, прятался блендер, о котором мы недавно говорили с В. и его братом, когда тот приезжал в Париж на несколько дней. Мужчины решили, что без него мне просто не обойтись. Я не была в этом уверена и поэтому, уже успев порядком изучить В., заказала ему другой подарок. Я намекнула, что хочу получить от него украшение, которое могла бы носить не снимая. Например, браслет. Например, фирмы икс – той самой, чей магазин был недалеко от его дома.

Я не ошиблась: в одной из коробочек и впрямь был серебряный браслет, изящный и простой, точно в моем вкусе. Я повисла у В. на шею и расцеловала его. Он весь просто сиял от радости, потому что наконец угадал с подарком. Я захотела надеть его немедленно, но не тут-то было: этот круглый браслет без застежки оказался для меня слишком узок, и я никак не могла просунуть в него кисть. Как только В. заметил, что украшение мне явно мало, улыбку с его губ словно ветром сдуло. Сдуло прямо на мое лицо, к которому она прилипла, и, растаяв, превратилась в виноватую гримасу. Я чувствовала себя, как раньше в Москве, когда мою машину останавливал полицейский; я открывала окно и, широко улыбаясь, не отрывая взгляда от его лица с застывшим на нем большим вопросительным знаком, искала в сумочке права. Искала тщательно, хотя знала, что никаких прав там нет и быть не может, ведь я потеряла их еще месяц назад.

За этой почти театральной немой сценой с браслетом наблюдали все гости. Она продолжалась несколько секунд, показавшихся мне вечностью. Я вдруг представила себе картину из сказки про Золушку, когда мачеха отрубила своей дочери большой палец на ноге, лишь бы ей пришлось в пору хрустальная туфелька.

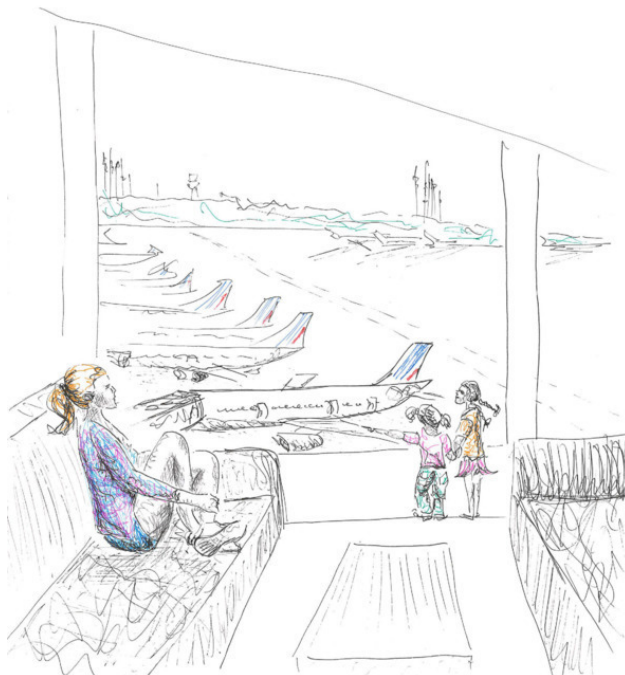
Наконец, преодолевая боль, я так сильно сжала кисть руки, что браслет все-таки оказался у меня на запястье. Зрители облегченно вздохнули. Одна из моих подруг поинтересовалась, можно ли закурить. Снять украшение было, разумеется, невозможно.

Так у нас с В. появилась любимая шутка: я так сильно хотела получить от него подарок, который могла бы носить всегда, что теперь даже при большом желании у меня не получится от него избавиться. Тогда, разумеется, я вовсе не думала о том, как больно – во всех смыслах этого слова – мне будет с ним расставаться и когда именно придется это сделать.

В. очень любил подтрунивать надо мной: когда мы ложились спать, он спрашивал, почему я не снимаю браслета. Мне эта история нравилась безумно. Вскоре о ней знали почти все мои знакомые. Что там знакомые – через месяц о ней стало известно даже работникам аэропортов Шарль де Голль и Шереметьево 2.

Каждый раз, когда в зоне таможенного досмотра я ставила ручную кладь на ленту и проходила через металлоискатели, повторялась одна и та же сцена: услышав характерный сигнал, служащие аэропорта просили меня снять все металлические предметы, включая и браслет. И тут наступал мой звездный час: «Понимаете, он не снимается. Это такая смешная история. На Рождество я попросила у своего молодого человека...» – «Девушка, проходите, не задерживайте остальных», – хмуро отвечали мне в Шереметьево. Надо отдать должное работникам аэропорта Шарль де Голль: один раз мне повезло, и они с понимающей улыбкой дослушали эту историю до конца.

Вентилятор

Пластик, металл, 24 ватта, июнь 2013

Жаркой июньской ночью я полулежала в кровати в наушниках, с ноутбуком на коленях, и смотрела кино под мирное сопение спящего В. и назойливое жужжание вентилятора, недавно поселившегося в моей квартире.

До сих пор помню диалог главных героев: мужчина объясняет, почему он никогда не встречает свою новую девушку в аэропорту. Допустим, он сделает это один раз, потом другой, потом третий. Но если они поженятся, то через десять лет, когда ему уже не нужно будет ничего ей доказывать, любимая, несомненно, начнет его пилить: «Вот раньше ты всегда приезжал за мной в аэропорт. А сейчас...» Поэтому лучше с первого дня расставить все точки над «i».

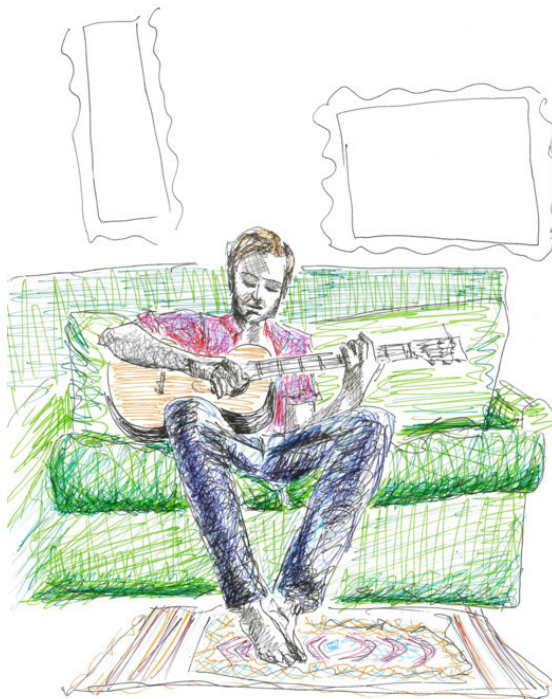
Тут мое лицо расплылось в мечтательной улыбке. Я вспомнила, как еще два месяца назад, сразу после стремительного начала нашего с В. романа, я улетела на каникулы в Москву. Ждать нового свидания было просто невыносимо. Накануне моего возвращения В. сказал, что будет встречать меня в аэропорту. Я отказывалась, но он настаивал. Весь рейс я была как на иголках. Что-то похожее я испытывала много лет назад после первого свидания с моей первой любовью. В тот вечер, возвращаясь домой на метро, я сначала села не на ту ветку, проехала несколько станций, опомнилась, выскочила из вагона и, как только двери захлопнулись и поезд скрылся в тоннеле, поняла, что все же ехала правильно. Очнулась я лишь у себя на кухне, когда кто-то несколько раз громко окликнул меня. Оказывается, позабыв о посудомоечной машине, я вручную перемыла целую гору тарелок (кажется, одну все же разбила) и этим бесполезным трудом почти заслужила себе прощение за то, что пропустила праздничный семейный ужин.

На этот раз, в самолете, занять себя чем-то похожим было невозможно. Чтение не помогало, ведь после двух минут буквы на странице складывались в очертания такого знакомого профиля, который я увижу через два часа... через час сорок пять... через час тридцать девять...

В. привез меня домой и помог поднять чемодан на четвертый этаж. Когда я открыла дверь, мое возвышенное настроение в секунду расплавилось и испарилось: квартира была похожа на финскую сауну. Все картины и фотографии, висевшие до того на стенах, валялись на полу. Моя еще недавно столь кустистая бегония засохла. Раскалившийся докрасна обогреватель, который я забыла выключить перед недельной поездкой, казалось, вот-вот взорвется. Остаться в квартире было невыносимо, и мы с В., не понимая, каким чудом удалось избежать пожара, выключили обогреватель, открыли настежь все окна и вышли на улицу. Солнце то появлялось, то вновь скрывалось за тучами, мелкий грибной дождик то усиливался, превращаясь в настоящий ливень, то внезапно смолкал. Что-то похожее творилось и у меня в голове.

После прогулки мы устроились в тихом кафе, и В. заказал свой любимый ягодный мильфей. Я подумала, что когда-нибудь буду знать наизусть все, что он любит, и без труда смогу выбирать для него блюда в любом ресторане, а он за обедом, чтобы сделать мне приятное, всегда будет садиться рядом со мной, а не напротив. Все это казалось мне таким же интересным, как первые страницы новой захватывающей книги. Впрочем, некоторые ее главы мне нравились чуть меньше других. Например, с наступлением долгожданного лета я с удивлением открыла, что В. страдает от жары куда больше, чем я от ненавистного холода зимой. Мы все время прятались под кондиционером, о террасах кафе в жаркие летние дни можно было и не мечтать, а однажды он с гордой улыбкой на сияющем лице принес ко мне домой вентилятор, который стал моим врагом номер один. Я думала, что мы будем выключать его хотя бы на ночь, но оказалось, что именно в это время без него никак не обойтись. К счастью, эту задачу мы решили шутя, как и все остальные маленькие трудности, которые возникали тогда в нашей жизни: перед сном В. ставил жужжащего зверя на стул рядом с собой, а я ложилась подальше, у стены. Так мы придумали негласное правило разделения кровати на мою и его половину. С тех пор прошло уже довольно много времени, но и сейчас, в каком бы городе, в каком бы отеле я ни оказалась, я неизменно ложусь на правую сторону двуспальной кровати.

Гитара

Махагон цвета «Ночь на Манхэттене», Гибсон, октябрь 2014

Если я и была в чем-то абсолютно уверена насчет В., так это в том, что его любимый цвет – темно-синий. Цвет космоса, ночного неба, звезд, холодной дали – по-моему, очень грустный цвет. Даже голубику он любил, я уверена, только потому, что она по-английски называется blueberry.

Как-то незадолго до дня рождения В. мы выбирали ему подарок, и он показал мне темно-синюю перьевую ручку под названием Skywalker. Как он смотрел на нее! Будто перед глазами у него была не принадлежность для письма, а самый настоящий джедай, носивший эту фамилию. Звездный странник, родившийся в день создания Империи и долго не ведавший о своем высоком происхождении. «Luke, I'm your father!», – так и вертелось у меня на языке.

Я притворилась, что пытаюсь запомнить артикул, не подавая вида, что уже больше месяца назад заказала ему подарок-мечту. Мы когда-то видели его в магазине, но быстро о нем забыли, – таким он казался недостижимым. Мое возбуждение было не так-то просто скрыть – я чуть не подпрыгивала на месте. Так в школе, бывало, вызубришь урок и ждешь, что учитель вызовет тебя к доске, но руку не поднимаешь, а лишь жадно ловишь взглядом каждое его движение: как он водит пальцем в журнале, спускаясь вниз, а затем снова поднимаясь вверх, опять вниз и, наконец, обратно в начало списка, к первым буквам алфавита, чтобы назвать твою фамилию.

Вот уже долгих четыре недели заветная коробочка высотой почти в человеческий рост стояла в кладовой у меня в офисе, а я каждое утро с замиранием сердца заглядывала туда проверить, на месте ли она. Наконец в день рождения В. в конце рабочего дня я дрожащими от волнения руками распаковала картонную коробку, достала подарок, расстегнула молнию чехла...

¹ Люк, я твой отец

Как передать мое разочарование?! Словно учитель вызывает тебя к доске, но ты вдруг понимаешь, что выучил не тот параграф.

Гитара показалась мне неестественно маленькой. Точнее, я думала, что гитары, на которых играют настоящие рок-звезды, намного больше. Я даже засомневалась, заказала ли я настоящий инструмент или Gibson стал выпускать крошечные гавайские укулеле. Короче говоря, чисто по-женски меня волновал вопрос, угадала ли я с размером, покупая подарок.

Так или иначе, что-то менять было уже поздно, поэтому я быстро положила гитару в багажник и рванула с места в сторону бульвара Периферик. Времени было в обрез, а мне нужно было еще воплотить в жизнь вторую часть моего сюрприза, которые В., к слову сказать, терпеть не мог. По крайней мере, он сам был в этом уверен, но я рассчитывала, что все изменится с того дня, когда он откроет багажник, увидит там кучу синих воздушных шариков, а под ними – о чудо – подарок его мечты.

Как назло, в районе Порт-де-ла-Шапель я встала в безнадежную пробку, но зато появилось время надуть те самые шары прямо за рулем. Водители соседних машин смотрели на меня с изумлением.

Подъехав к офису, где работал В., я переложила шарики в багажник, спрятав гитару, и позвонила ему, чтобы спускался. Мы опаздывали в ресторан, который я предоставила ему выбрать самому, зная, как он не любит сюрпризы.

Как обычно, после работы В. был не в духе. Пока мы ехали, я думала: «Интересно, а как чувствует себя мужчина, который сидит с ничего не подозревающей женщиной в ресторане, заказывает десерт, а во внутреннем кармане его пиджака лежит кольцо в красной коробочке с золотистыми полосками, и он ждет, когда официанты, стоит только ему подать условленный знак, приглушат свет, включат романтическую музыку...» Сказать, что я никогда не задавалась вопросом, как именно В. делал предложение своей бывшей жене, было бы неправдой.

Приехав по нужному адресу, мы вышли из машины, отдали ключи швейцару и вошли в ресторан с очень модным тогда в Париже французско-японским меню из шести блюд, подобранных по настроению шеф-повара (а он был в тот день в приподнятом настроении, как не преминул уведомить нас официант).

Между второй и третьей переменной блюд В. наконец оттаял. Я предложила поиграть в игру, когда каждый раз, прежде чем сделать глоток вина, мы должны говорить друг другу тост. «Хорошо, – лукаво улыбнулся он, – тогда предлагаю выпить за единственного человека в этом зале, который похож на китайца. Нет, не за нашего официанта». Я была рада, что к нему вернулось чувство юмора (он любил шутить над моим разрезом глаз) и что мы перестали напоминать пару влюбленных, которым даже нечего сказать друг другу за ужином.

Одна такая пара как раз сидела за столиком позади меня. Мне было неудобно оборачиваться, поэтому В., знавший толк в новостных передачах канала ВВС, вел для меня прямой репортаж. Мы успели сказать друг другу пять или шесть тостов, а пара – довольно толстая и некрасивая девушка и ее тщедушный, невзрачный спутник – так и не проронила ни слова. Вот наконец она говорит что-то тихо-тихо, не поднимая глаз от тарелки. О боже, она, кажется, сейчас заплачет. – А он что делает? – А он молчит. Нет, уже берет ее за руку, она поднимает на него глаза. Он уверяет ее в чем-то. Все, она начинает улыбаться. Кажется, помирились. – Мы с В. облегченно вздохнули.

До конца ужина он разыграл для меня еще пару сценок из жизни других посетителей ресторана, мы выпили за Бориса Ельцина, на которого я якобы похожа, когда сплю; за носорога, которого он изображал на второй день нашего знакомства; за его комнату номер тринадцать в нашем университетском общежитии, где мы в свое время провели сотни счастливых часов. О своем сюрпризе я, разумеется, давно забыла, и только когда мы сели в машину, меня снова охватило волнение. Подобно тому мужчине в ресторане, который ждет подходящего момента, чтобы дать знак официантам и вручить возлюбленной красную коробочку из внутреннего кар-

мана пиджака, я считала минуты до нашего возвращения. Три светофора, поворот... уже два светофора... перекресток с круговым движением... последний светофор... По парижским меркам, мы припарковались очень близко, то есть в пятнадцати минутах ходьбы от дома. Свет погас, включилась романтическая музыка...

– Пожалуйста, помоги мне достать из багажника мою сумку, она очень тяжелая, – попросила я.

В. вышел из машины, то же сделала и я, но пока не подходила к нему, чтобы можно было наблюдать издали. За пару секунд в его глазах сменили друг друга: недоумение (поднял глаза на меня), испуг (достал чехол и расстегнул молнию), восторг (взял в руки гитару и снова посмотрел на меня), нежность... Теперь я точно знаю, как она выглядит, и пусть кто-то попробует убедить меня, что это абстрактное понятие...

Я подошла ближе, он обнял меня и тихо-тихо сказал: «Какая же ты глупая! Тебе ни за что, ни за что не нужно было этого делать... Спасибо!»

– Я переживала, что она слишком маленькая. Нет?

– Боже мой. Я же говорю – stupid².

– Ладно, главное, что она твоего любимого цвета.

Мы пришли домой и легли спать. Конечно, не сразу, а после того, как В. исполнил несколько аккордов из репертуара группы Metallica. Перед тем как заснуть, он крепко обнял меня и прошептал: «Никто, никто и никогда не делал ничего подобного для меня», – и это был миг самой интимной близости, которая когда-либо была между нами. Минута, когда мне, мерзнувшей всегда и везде и заставляющей его включать обогреватель на десять делений, было настолько жарко, что я первая высвободилась из его объятий и единственный раз уснула на своей половине кровати.

² глупая

Doliprane

Парацетамол, апрель 2013

Содержимое моей сумочки напоминало кладбище использованных билетиков на метро, скомканных чеков, одиноких подушечек жевательной резинки, выпавших из пачки, мятных леденцов, монеток, футляров с губной помадой, шариковых ручек, лишившихся колпачков и исподтишка чертивших ломаные линии на нежной замшевой подкладке. Еще у меня всегда имелаась при себе упаковка обезболивающего Doliprane. Я сама редко страдала от мигреней, но время от времени рядом оказывался кто-нибудь в поисках «таблеточки от головы». Разве возможно отказать себе в удовольствии, когда ты, неуверенно бормоча: «У меня может быть», углубляешься в хаос своей сумки, несколько секунд, словно слепой, ощупываешь случайно попадающиеся под руку предметы (все это не сводя глаз с полного надежды лица больного) и наконец натыкаешься на маленькую картонную коробочку, с улыбкой извлекаешь ее и протягиваешь ему, словно говоря: «Лазарь, встань и иди».

В конце второго триместра весь наш курс отвезли на самую настоящую военную базу в богом забытом уголке где-то в Бретани. Чтобы получить заветный проходной балл, мы должны были на три дня забыть о привычной благоустроенной жизни с кофеваркой, микроволновой печкой и службой доставки пиццы, оставить все это сначала за дверьми неповоротливых, как тихоокеанские черепахи, туристических автобусов, а потом – за каменными стенами угрюмого, похожего на тюрьму военного лагеря. Жили мы в условиях поистине спартанских: подъем в пять часов утра, отбой в девять вечера, холодный душ, спальные мешки, консервы, разогретые на керосиновой горелке. В довершение всего нам отчаянно не повезло с погодой: все три дня моросил косой дождь, иногда перераставший в ливень, небо не прояснялось ни на минуту, холодный ветер, дувший с побережья, пробирал до костей.

Единственное упражнение, которое пришлось мне по душе (и, пожалуй, только мне одной), был проход по натянутому над обрывом канату. Мне нравилось смотреть вниз на пенящиеся, бьющиеся о скалы волны, нравилось ощущение легкого головокружения. Должно быть, по этой же причине меня всегда тянуло на последние этажи высоток, в море во время штормового предупреждения и в самые неоднозначные любовные приключения. Моему телу, похоже, нужен был чистый адреналин. Но он не продавался в аптеках ни в таблетках, ни в виде подслащенного сиропа. Иначе этот препарат вместе с Doliprane'ом всегда был бы у меня с собой в сумочке.

Помимо упражнения с канатом, ожидать чего-то из ряда вон выходящего от этого семинара, как и вообще от любых военных сборов, явно не стоило. Помню, как мой двоюродный брат, который много лет назад служил в армии, признавался, что эти два года его жизни были как две страницы, вырванные из книги на самом интересном месте. Конечно, три дня по сравнению с этим – лишь пара неразборчивых слов, размытых капель воды, упавшей на ту самую страницу. И если бы не события, описанные ниже, то эти дни и вовсе стерлись бы из моей памяти.

Мы приехали на базу вечером перед началом испытаний. За час до отбоя нас собрали в аудитории, чтобы выдать военную форму и распределить по группам. Всего должно было получиться двадцать команд по шесть участников в каждой. Если бы я лучше готовилась к экзамену по математике, то именно в этом месте путеводителя по моему музею я привела бы точный процент вероятности, с которой мы с В. могли оказаться вместе. Но моих скромных познаний хватает лишь на то, чтобы сказать, что шанс этот был ничтожно мал.

Получив безразмерный комбинезон защитного цвета, я устроилась в последнем ряду в актовом зале. Мой взгляд был прикован к экрану, на котором поочередно появлялись фамилии и фотографии моих однокурсников. Как и все, я с жадностью пожирала глазами имена людей, которые должны были стать мне практически родственниками на ближайшие три дня. Мою фамилию назвали первой в составе группы номер пять. Сразу за ней шла фамилия одного японца, затем бразильца, и тут вдруг я увидела имя В. В одно мгновение я получила свою суточную дозу адреналина. Меня словно накрыло морской волной высотой с двухэтажный дом, как на гравюре Хокусая. Я даже не пыталась искать глазами В., а просто откинулась на спинку стула, думая о том, что спальные мешки и ранние подъемы – это не так уж и страшно.

До той поездки мы с В. были едва знакомы, но иногда сталкивались в коридорах общежития, оказывались за одним столиком в кафетерии и в пустых аудиториях после занятий. Мы обменивались многозначительными взглядами, а в переписке обсуждали экзаменационные задания, учебники и всякие пустяки.

Тогда в Бретани, каким-то чудом оказавшись в одной группе, мы с В. будто попали в параллельное измерение. Хотя внешне ничего не изменилось (мы продолжали вместе со всеми пить безвкусный растворимый кофе из алюминиевых кружек на завтрак и делать упражнения под проливным дождем с шести до одиннадцати утра), но в нашей с ним крошечной вселенной больше не действовали законы Ньютона и сила Архимеда. Единственное, что имело значение, – это видим ли мы друг друга, может ли он тайком взять меня за руку или прошептать что-нибудь мне на ухо. Трое суток мы с В. прожили словно за несколько минут.

В последний день семинара командам предстояло выполнить операцию под названием «Раненый солдат». Пользуясь картой и сообщениями с центральной станции, мы должны были найти завернутый в брезент манекен, спрятанный где-то в лесу, и доставить его до вертолетной площадки. После четырех часов поисков наша деморализованная бригада плелась в сторону аэродрома. Отрядом руководил японец, который был в таком отчаянии, что, казалось, в любую секунду мог совершить харакири.

Часть пути пролегла по морскому побережью. Нас заливало дождем, и все были по уши в грязи и песке. Мы с В. брели по пляжу, оставив команду далеко позади. Вскоре с нами поравнялся товарищ по несчастью. «У вас тут что, романтическая прогулка по пляжу? Ничего, что мы там сзади тяжеленный труп тащим?» – с негодованием воскликнул он, и был недалек от истины: несмотря на то что вместо купальника и плавков на нас были промокшие комбинезоны цвета хаки, а в руках вместо бокалов, украшенных разноцветными бумажными зонтиками, – карта и компас, все же это была одна из самых незабываемых прогулок в моей жизни.

Решив дожидаться остальных, мы с В. присели на камень. Он сорвал веточку можжевельника, который рос на обочине, отделил один шип от стебля и приставил его к кончику своего носа, утверждая, что так он похож на носорога. Я хохотала до слез. Вообще, в последние пару часов я была немного навеселе: близость к В. опьяняла меня сильнее, чем волшебные пузырьки шампанского, которое в этой суровой обстановке трудно было себе даже представить.

После целого дня под дождем и ветром многие мои однокурсники свалились с простудой. После отбоя, когда я ежилась от холода в коконе своего спального мешка, В. прислал мне сообщение: он тоже не мог заснуть. У него, кажется, поднималась температура. Я тут же предложила ему Doliprane, который, как всегда, был у меня с собой. Мы договорились встретиться через пять минут около лестницы. Я вышла из комнаты и сразу увидела его силуэт, приближавшийся с другого конца коридора. Еще мгновение – и я почувствовала, как его ладонь касается моей щеки. Не помню, отдала ли я ему в конце концов Doliprane, но спустя пару месяцев В. признался, что никакой температуры у него тогда не было, и если бы у меня не оказалось с собой лекарств, то у него был запасной предлог увидеться со мной наедине: он собирался попросить зарядное устройство для телефона.

Eugène Rallet

Шампанское, июль 2013

Лето 2013 года было для нас с В. самым незабываемым и самым тяжелым одновременно. Так получилось, что мы провели его в разлуке. Он уже сдал последний экзамен, а мне еще оставалось ждать две недели до конца занятий. В июне я провела несколько дней на семинаре по этике в монастыре Сент-Этьен, а сразу после этого – на свадьбе в Ницце. В те утомительные выходные я проехала за рулем около полутора тысяч километров, но усталость только усиливала мое возбуждение. Мое тело было настолько пропитано счастьем и влюбленностью, что, казалось, они вот-вот начнут сочиться из глаз. Как хорошо, что за вождение автомобиля в состоянии такого опьянения не отбирают права. Даже трехчасовая пробка перед въездом в Марсель по дороге на свадьбу и ранний подъем в придорожной гостинице недалеко от Лиона на обратном пути не могли стереть блаженную улыбку с моего лица. Я выписалась из отеля в полчетвертого утра и отправилась в Париж еще до восхода солнца. Проезжая по трассе А6, я любовалась бледно-розовым рассветом из окон машины. Мне нужно было успеть в университет к началу первой лекции в восемь утра.

В день моего возвращения мы с В. так и не встретились: он улетел с семьей в Италию. Оставил мне ключи от своей комнаты в общежитии, и я часто дремала в его кровати во время обеденного перерыва, счастливая лишь оттого, что могла засыпать и просыпаться на его подушке, в окружении его вещей.

Когда В. вернулся из путешествия, мы снова разминулись: он сразу же уехал на машине в Люксембург подписывать какие-то документы. Я с нетерпением ждала его: наконец мы должны были провести вместе целую неделю! Только мы вдвоем. Драгоценная неделя перед совсем уж невообразимой разлукой в целый месяц, о которой мне было страшно даже подумать. Через семь дней он улетал домой до конца каникул.

В детстве я часто ставила перед собой в воображении всевозможные дилеммы: например, чего бы мне хотелось больше – закончить учебный год на одни пятерки или сделаться

чутьку выше, чтобы не стоять последней в линейке на физкультуре; проснуться с длинными кудрявыми волосами вместо моего каре до плеч или чтобы в меня влюбился сосед по парте. И тут же отвечала себе фразой Аглаи Епанчиной из «Идиота»: «Я в торги не вступаю». О, в какие только торги я бы не вступила тем летом, чтобы хоть на час увидеть В.

Наконец долгожданный день наступил. Мы уже давно все обговорили и спланировали: утром он выезжает из Люксембурга, делает небольшой крюк, чтобы отвезти брата в Страсбург, после чего ему остается преодолеть еще пятьсот километров, чтобы через пять часов быть у меня дома.

Разумеется, с самого утра все пошло не по плану. В. задерживался и рассчитывал выехать не раньше двух часов дня. Когда он уже был в дороге, с машиной вдруг что-то случилось: она не разогналась больше чем до двадцати километров в час и на торпедке горели все лампочки сразу. В довершение всего его телефон почти разрядился. Он все время выключал его, чтобы потом в крайнем случае можно было со мной связаться.

Я ждала от него новостей и целый день не сводила глаз с телефона. С каждым сообщением В. о новых неприятностях мое сердце на мгновение замирало, будто перед мертвой петлей на американских горках, и в следующую секунду стремительно летело вниз, лопаюсь, как наполненный водой воздушный шарик, брошенный с балкона пятого этажа. Боль от удара постепенно стихала, растекаясь по всему телу.

Ближе к вечеру В. позвонил: машина заглохла, пришлось отвезти ее обратно в Люксембург на эвакуаторе. Дальше о ней позаботится его брат. Сам же он попытается вернуться в Париж ближайшим поездом и будет у меня через три часа, если, конечно, успеет на вокзал к отправлению экспресса. Он будет держать меня в курсе.

Мои ладони вспотели от волнения, словно я следила за погоней на экране, в сумраке кинозала. Я представила себе ковбоя в широкополой шляпе и остроносых сапогах со шпорами. Мысль метнулась в сторону и ударилась о школьную карту США с розовыми, желтыми и бледно-голубыми штатами, между которыми, словно по линейке, были проведены пунктирные линии. Я вдруг вспомнила об однокласснике-американце, который в тот день как раз отмечал день рождения. В одиночку мне было не убить эти несколько часов до приезда В., и я решила все-таки заглянуть на праздник, хотя еще неделю назад рассыпалась в извинениях, говоря, что у меня ну никак не получится прийти.

Только я взяла трубку, чтобы набрать номер именинника, как на экране высветилась фотография В. Палец скользнул по ней, и телефон заговорил его голосом: он опоздал на поезд до Парижа (мое сердце замерло в той самой точке мертвой петли), и последняя надежда – через двадцать минут сесть на экспресс до Реймса, правда, непонятно, как оттуда добираться до моего дома. Он постарается найти такси.

– Хорошо, давай я приеду за тобой в Реймс на машине. Это всего сто двадцать километров отсюда.

– Ты с ума сошла, скоро стемнеет, как ты поедешь?

– Я знаю, не волнуйся, все будет хорошо.

– Ты уверена?

– Да!

– Yellow blue tibia³. – Эта подсказка для пытающихся говорить по-русски иностранцев, замеченная мною в набоковских «Прозрачных вещах», очень нравилась В., хотя он давно научился произносить эти слова без малейшего акцента.

– Я тоже!

– Когда сяду в поезд, позвоню, чтобы ты выезжала.

– Хорошо, я жду.

³ Желто-синяя берцовая кость

Через десять минут я услышала в трубке его радостное: «Все в порядке! Я в поезде, можешь выходить из дома». За секунду вылетела из квартиры, сбежала вниз с четвертого этажа, открыла дверь подъезда и... увидела В., стоящего около целой и невредимой машины, с улыбкой до ушей.

– Что же ты за дурак! Сумасшедший! Ты представляешь, как я волновалась?! Я тебя убью когда-нибудь за твои идиотские шуточки! – восклицала я, прижимая его к себе, и мои слова тонули в его поцелуях.

Через несколько минут, когда мы с трудом оторвались друг от друга, В. протянул мне бутылку шампанского Eugène Rallet со словами: «Держи, это сувенир из Реймса, купил на вокзале, пока тебя дожидался. Но ты появилась быстрее, чем я думал». – «Не ври, сто раз я была на этом вокзале – это такая дыра, там шампанское даже не продается», – с улыбкой ответила я.

Ёлочные игрушки

Пластик, стекло, Париж, декабрь 2013

В детстве я очень любила мультфильм «Падал прошлогодний снег», где мужик в шапке-ушанке идет в лес за елкой. Ох, уж эти сказки. Ох, уж эти сказочники. Смотреть его утром тридцать первого декабря было ни с чем не сравнимым удовольствием.

В то Рождество я была дома одна, без В. Он уехал на каникулы к родителям. Он должен был объявить им о разводе. А я ждала в гости подругу. Мы с ней вдвоем собирались встретить этот не имеющий к нам никакого отношения католический праздник и поднять бокалы под бой несуществующих курантов.

Утром я пошла за елкой, правда, не в лес и без ушанки. На улицах звенели колокольчики Санта-Клауса, дребезжащий звук «Jingle bells» еще долго отдавался в ушах.

Праздник уже катил в глаза, как зима Стрекозе из известной басни, и все нормальные люди давным-давно купили елки и нарядили их, поэтому выбор на базаре был довольно невелик. Я показала пальцем на уцененное, но все еще сохранившее иголки зеленое деревце, чья макушка едва доходила мне до подбородка. Принесли его домой, оказался он живой. Точнее, она: та, что родилась и росла в лесу, та, что зимой и летом была стройна и зелена. Комната сразу наполнилась хвойным ароматом.

Ёлочных игрушек у меня не было, и я прикрепила к худеньким игольчатым лапам старые фотографии, ленточки и конфеты в блестящих обертках. Это нехитрое дело заняло у меня не так много времени, которое без В. тянулось бесконечно, словно прилипшая к подошве жевательная резинка. Я заскучала. Моя гостья задерживалась.

Вдруг мой хлипкий журнальный столик задрожал. Это вибрировал телефон, который я оставила на его холодной стеклянной поверхности. С экрана мне улыбалось лицо В. Точнее, его фотография на заставке. Я нажала на зеленую кнопку и услышала долгожданный, такой знакомый голос, заставлявший сжиматься мое трепещущее сердце.

– Любимый...

– Любимая...

Мы молчали и нежно смотрели каждый на свой экран. Иногда слова становятся лишними. Я направила камеру на рождественскую елку. В. расхохотался.

– Baby, – начал он, мешая слова со смехом. – Что это?

– Где?

– Ну вот здесь, прямо передо мной.

– Это зебра. Ну хорошо, хорошо – шучу. Это новогодняя елка.

– You are so funny⁴, – забавно растягивая слова, проговорил он с нежной улыбкой.

– Тебе нравится?

– Нам нужно серьезно поговорить, – проигнорировал он мой вопрос.

– С удовольствием, – я притворилась, что не боюсь.

– Это очень важно.

– Я готова.

– Отлично. Так вот, детка, мне кажется, у тебя проблемы: ты не знаешь, что такое Christmas tree⁵.

– Как это не знаю? Вот же оно.

– Нет, это какой-то Christmas bush⁶.

– Прекращай издеваться. Отличная елка, просто маленькая.

– Хочешь, я покажу тебе настоящую елку? Смотри! – и он повернул камеру к двухметровой красавице, одетой в золотистые гирлянды и красные шары. – Вот это называется елка.

– Вот это да! Я бы ни за что не дотащила ее до дома.

– Baby, – лицо его стало серьезным. – Тебе не придется ее тащить. В следующем году мы вместе ее выберем, и я принесу ее к тебе домой на руках. Как несут женщину.

– Правда?

– Правда.

– Обещаешь?

– Обещаю.

– Откуда ты знаешь, что будет через год?

– Поверь мне, я знаю.

Я села на диван и откинулась на спинку. Я боялась и верила, верила и боялась.

Ровно год спустя мы с В. шагали по улице к моему подъезду. Только он и я. Вдвоем. Нет, все же втроем: он, я и двухметровая елка, которую он нес на руках, как женщину. На этот раз гирлянды, лампочки и елочные игрушки я купила заранее.

⁴ Ты такая забавная.

⁵ Рождественская елка

⁶ Рождественский куст

Жевательная резинка

Каучук, сахар, кукурузный сироп, клубничный ароматизатор, май 2013

Каждый год у нас в университете проводились спортивные соревнования, на которые съезжались студенты со всей Европы. Все, кто учился на нашем курсе, были обязаны участвовать в этой олимпиаде: нужно было либо играть за какую-нибудь команду, либо дежурить в главном здании и на стадионах во время состязаний.

Мне почему-то достались тогда исключительно ночные смены. Три вечера подряд я должна была стоять за барной стойкой и разливать пиво, которое я, кстати сказать, терпеть не могла. Мне куда больше хотелось смешивать коктейли в баре напротив, но поменяться мне не разрешили. Вообще, все девушки, которые дежурили вместе со мной, были очень довольны: ведь пиво пьют в основном мужчины – а значит, более важной стратегической позиции и представить нельзя. И вот мы стояли, томные и нарядные, в предвкушении новых знакомств.

Вечером, когда бар только открылся и ко мне начали подтягиваться первые посетители, В. замер в метре от меня и исподлобья смотрел на каждого спортсмена, которому я улыбалась и с которым мило болтала, облокотившись на барную стойку. Я делала вид, что совершенно его не замечаю, и у меня были на то свои причины. Но об этом позже. Все же, несмотря ни на что, тогда еще его ревность была мне приятна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.